

Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае*

П. В. Трощинский, А. Е. Молотников

Для цитирования: Трощинский П. В., Молотников А. Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. 2019. Т. 63, № 2. С. 309–326. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207>

Статья посвящена исследованию особенностей проводимой китайскими властями законодательной политики в сфере нормативно-правового регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий. Отмечается особый китайский подход при разработке и принятии соответствующих актов правотворчества, предполагающий приоритетное использование экспериментального порядка действия нормативно-правовых актов и подзаконного нормотворчества при регулировании цифровой экономики и цифровых технологий. Китайская Народная Республика занимает одно из лидирующих мест в мире в области внедрения цифровых технологий, которые проникли практически во все сферы народного хозяйства. Цифровая экономика занимает более 1/3 от ВВП страны, а китайские гиганты Alibaba, Tencent, Baidu и некоторые другие входят в 20 наиболее развитых технологических компаний мира. В КНР активно применяются системы социального доверия (рейтинга) и распознавания лиц, которые способствуют установлению тотального цифрового контроля за всеми членами общества и организациями. На фоне прогрессирующего роста использования цифровых технологий в повседневной жизни действующее китайское законодательство, их регулирующее, не успевает реагировать на происходящие в данной области изменения. Незрелость нормативно-правового регулирования на руку китайским властям: она способствует «ручному» управлению цифровым пространством, оперативному реагированию на возникающие проблемы путем принятия ведомственных актов, а иногда и при помощи закрытых (секретных) документов, доступ к которым ограничен. В контексте сказанного неслучайно резкое возвышение китайских технологических корпораций, которое происходило в первую очередь из-за запрета деятельности их зарубежных конкурентов на территории КНР. Западные Google, YouTube, Facebook, Twitter, Flickr и другие вытеснены с китайского цифрового рынка по причине несоответствия проходящего через них контента китайскому законодательству, положения которого настолько расплывчаты, что продолжать свою деятельность в Китае у этих компаний не было никакой возможности. Отсутствие четко прописанного в законодательстве механизма защиты прав интеллектуальной собственности также положительно сказалось на росте китайских национальных цифровых технологий: права на многие зарубежные разработки стали принадлежать китайским гражданам. Тотальный цифровой контроль над обществом также не предполагает принятие законодательных актов, ограничивающих вмешательство государства в личную жизнь индивида.

Трощинский Павел Владимирович — канд. юрид. наук, Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32; troshc@mail.ru

Молотников Александр Евгеньевич — канд. юрид. наук, доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; amolotnikov@gmail.com

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-29-16223 «Правовое регулирование отношений, связанных с использованием цифровых технологий в России и Китае: сравнительно-правовой анализ».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

В контексте сказанного важно не только изучать правотворческий опыт китайского государства в исследуемой сфере, но и учитывать его при принятии соответствующего российского «цифрового законодательства», а также при выстраивании отношений сотрудничества с китайским партнером для успешной защиты своих национальных интересов.

Ключевые слова: китайское право, правовое регулирование, электронная коммерция, цифровые технологии, цифровая экономика, китайская специфика, правовой эксперимент, система социального кредита

Введение

Формирование цифрового пространства — необходимая составляющая экономической политики любого современного государственного образования. Успешное развитие страны в нынешних условиях невозможно без использования цифровых технологий, которые проникли практически во все сферы общественной жизни. По мере их совершенствования на первый план в сфере народного хозяйства вышла цифровая экономика, которая по оборотам уже превышает многие традиционные отрасли. Цифровая экономика за недолгий период существования стала одним из основных локомотивов национальной и транснациональной торговли. Подавляющее большинство крупных корпораций не только используют цифровые технологии, но и вкладывают огромные материальные и трудовые ресурсы в их создание и развитие.

Повсеместный цифровой прогресс привел к появлению новых вызовов и угроз, направленных как против безопасности государства и общества, так и против самой личности. По причине сильного отставания нормативно-правового регулирования цифровой сферы от темпов ее развития возник целый ряд трудностей юридического характера. Законодатель не успевает реагировать на происходящие изменения. Такое положение дел характерно как для Российской Федерации, так и для Китайской Народной Республики.

Россия осознает значимость эффективного правового регулирования для развития цифровой экономики¹. В то же время, как и у Китая, существуют сложности в своевременном регулировании исследуемой сферы. Разумеется, нельзя не отметить определенные достижения, к числу которых отнесем эксперимент по допущению на дороги Москвы и Татарстана беспилотных автомобилей², активное продвижение Банком России регулятивной площадки³ и маркетплейса финансовых услуг⁴, определенные шаги в направлении регулирования оборота пользовательских данных.

Тем не менее пока законодателю в России не удалось выработать единую позицию по вопросу регулирования цифровых активов — на данный момент из пакета законопроектов, которые были призваны выстроить комплексную систему регулирования оборота цифровых активов, а также вопросов их использования для целей привлечения финансирования (в формате краудфандинга), приняты только поправки к Гражданскому кодексу РФ, вводящие понятие нового объекта граждан-

¹ В качестве подтверждения тезиса можно привести утверждение Правительством РФ программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в качестве национального проекта. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 04.06.2019).

² Подробнее см.: URL: <http://government.ru/docs/34831/> (дата обращения: 04.06.2019).

³ Подробнее см.: URL: https://www.cbr.ru/fintech/regulatory_platform/ (дата обращения: 04.06.2019).

⁴ Подробнее см.: URL: http://www.cbr.ru/finmarket/market_place/#highlight=маркетплейс (дата обращения: 04.06.2019).

ских прав — цифровых прав⁵, а принятие законов о цифровых финансовых активах и краудфандинге отложено до момента исполнения соответствующих требований комиссии FATF (Financial Action Task Force, Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег). Немало вопросов остается и в других сферах, которые принято относить к цифровой экономике, не говоря уже о таких проблемах, как цифровизация системы государственного управления, упрощение бумажного документооборота и контрольно-надзорных мероприятий и пр.

Для успешного решения стоящих перед Российской Федерацией задач в сфере правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий крайне важно изучение соответствующего правотворческого опыта зарубежных стран, в частности такого специфического, как опыт Китайской Народной Республики. Цифровая экономика и цифровые технологии в современном Китае чрезвычайно развиты, а в чем-то даже более прогрессивны, чем на Западе. Принимаемое в КНР законодательство в исследуемой сфере самобытно, но вместе с тем его изучение способно существенно помочь нам в разработке наиболее успешной модели правового регулирования российского цифрового пространства, конечно, с обязательным учетом наших национальных особенностей.

1. Общая характеристика цифровой экономики Китая

Исследование китайского правотворческого опыта в рассматриваемой сфере начнем с важных фактических данных.

В 2018 г. совокупный объем цифровой экономики КНР достиг 31,3 трлн юаней (около 4,6 трлн долларов США), что составило 34,8 % от ВВП страны (иными словами, более 1/3 всей китайской экономики приходится на цифровую сферу) (в Пекине и Шанхае доля цифровой экономики от ВВП превысила 50 %). Рост по сравнению с 2017 г. составил 1,9 %.

Наиболее развитой в цифровом плане признана приморская провинция Гуандун: на нее пришлось свыше 4 трлн юаней (на втором месте по показателям провинция Цзянсу с 3 трлн юаней), а самый быстрый рост цифровых технологий показан в провинциях Гуйчжоу и Фуцзянь: он превысил 20 % за год⁶.

В 2017 г. объем цифровой экономики Китая составил 27,2 трлн юаней (около 3,9 трлн долларов США) (рост на 20,3 % по сравнению с 2016 г., 32,9 % от ВВП)⁷.

В 2018 г. цифровая экономика дала рабочие места 191 млн чел., что составило 24,6 % от общего количества занятых в экономике лиц (рост по сравнению с 2017 г. — 11,5 %)⁸.

Цифровая экономика проникла практически во все области китайского хозяйства. Удельный вес сферы цифровых услуг в цифровой экономике самый большой:

⁵ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180027> (дата обращения: 04.06.2019).

⁶ Приводится по: 中国数字经济发展与就业白皮书 (2019年) [Белая книга развития цифровой экономики и трудоустройства в Китае (2019 г.)]. Опубликовано в апреле 2019 г. Китайской академией информационных и коммуникационных технологий (China Academy of Information and Communications Technology, CAICT). С. 1, 7–8. URL: <http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/P020190417344468720243.pdf> (дата обращения: 04.06.2019) (далее — Белая книга 2019).

⁷ 中国数字经济发展与就业白皮书 (2018年) [Белая книга развития цифровой экономики и трудоустройства в Китае (2018 г.)]. Опубликовано в апреле 2018 г. Китайской академией информационных и коммуникационных технологий (CAICT). С. 2. URL: <http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/P020190416411055759818.pdf> (дата обращения: 04.06.2019) (далее — Белая книга 2018).

⁸ Белая книга 2019. С. 46.

35,9%⁹ (цифровое сельское хозяйство — лишь 7,3%¹⁰). В сфере цифровых услуг первую десятку занимают¹¹:

- страхование, 56,4%;
- радио, телевидение, кино, аудио и видео, 55,5%;
- услуги на рынке капитала, 48,7%;
- валютно-финансовое и иное финансовое обслуживание, 48,6%;
- общественное управление и общественные организации, 46%;
- специализированные технические услуги, 44,6%;
- почта, 42,7%;
- образование, 40%;
- социальные гарантии, 39,1%;
- лизинг, 35,5%.

Согласно экспертным прогнозам, к 2020 г. объем цифровой экономики Китая превысит 32 трлн юаней и будет составлять 35 % ВВП; к 2030 г. — 50 % ВВП.

Приведенные статистические данные подтверждают лидирующие позиции Китая в мировой цифровой экономике. Происходит активная и тотальная информатизация китайского общества. Если еще буквально 10 лет назад на Китай приходилась малая доля от общей стоимости мировых сделок в рамках электронных цифровых операций (около 1%), то сейчас она составляет более 40%¹². По отдельным показателям КНР является одним из мировых лидеров. Основными двигателями электронной коммерции в стране выступают такие гиганты, как:

- Alibaba (阿里巴巴集团) (аналог Amazon, eBay, PayPal);
- Tencent (腾讯) (Мессенджер WeChat (微信)) и платежные системы Wechat Pay (微信支付).

Через указанные компании совершается большинство транзакций электронной коммерции в Китае, проводится масштабная цифровизация полутора-миллиардного населения.

2. Общая характеристика интернет-пространства Китая

Лидирующие позиции современное китайское государство занимает и в сфере присутствия в мировом Интернете. Согласно статистическим данным (по состоянию на июнь 2019 г.):

- количество пользователей Интернета — свыше 850 млн чел. (854 млн при населении в 1,4 млрд);
- коэффициент распространения Интернета в Китае — 61,2%;
- количество пользователей мобильного Интернета — 847 млн чел.;
- доля пользователей мобильного Интернета среди всех пользователей Интернета — 99,1%;
- пользователей Интернета в деревне — 225 млн чел.;
- пользователей Интернета через стационарный компьютер — 46,2% от всех пользователей Интернета;

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Приводится по: Ван Сюна, Мурашова Е. В. Современное состояние цифровой экономики Китая // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9, № 3. С. 1384.

- пользователей Интернета через ноутбук — 36,1 % от всех пользователей Интернета;
- пользователей Интернета через планшет — 28,3 % от всех пользователей Интернета;
- общее количество доменов «.CN» (домен верхнего уровня) — 21 млн 850 тыс., или 45,5 % от всех используемых в Китае доменов;
- количество онлайн-покупателей — 639 млн, или 74,8 % от всех пользователей Интернета;
- количество интернет-покупателей через мобильные устройства — 622 млн, или 73,4 %;
- количество интернет-плательщиков — 633 млн, или 74,1 % от общего количества пользователей Интернета; количество интернет-плательщиков через мобильные устройства — 621 млн;
- количество пользователей видеоконтента через Интернет — 759 млн, или 88,8 % от общего количества пользователей Интернета;
- количество пользователей услугами такси через Интернет — 337 млн, или 39,4 % от общего количества пользователей Интернета;
- количество пользователей административными услугами через Интернет — 509 млн, или 59,6 % от всех пользователей Интернета¹³.

Развитие интернет-пространства повлекло за собой создание и быстрый рост работающих на рынке КНР национальных интернет-компаний. Возвышению китайских корпораций способствовала полная блокировка на территории КНР (на основе подзаконных актов) работы Google, YouTube, Facebook, Twitter, Flickr и др., что привело к вытеснению с китайского рынка не только самих западных интернет-площадок, но и крупнейших бизнес-проектов, с ними связанных. Китайские власти и сейчас продолжают политику ограничений в отношении ведущих западных интернет-компаний. Так, в конце апреля 2019 г. в китайском сегменте Интернета закрыт доступ к Wikipedia не только на китайском (как ранее), но и на всех иных языках мира.

К настоящему времени крупнейшими китайскими интернет-гигантами являются:

- поисковик Байду (百度) (аналог вытесненного с китайского рынка Google, контролирует около 80 % рынка поисковых услуг КНР);
- площадка Jingdong (京东) (JD.com (ранее: 360buy.com)) — интернет-торговля, электронная коммерция;
- компания NetEase (网易) — онлайн-услуги, игры, почтовые службы;
- компания Sina (新浪) — создатель Weibo (аналог Twitter);
- компания Sohu (搜狐) — реклама, игры, новости и др.

3. Общая характеристика цифровых технологий Китая

Развитие Китая невозможно без совершенствования цифровых технологий. За последние годы КНР добилась значительных успехов в рассматриваемой области. Особый интерес у экспертов вызывают достижения Китая в сфере развития искусственного интеллекта (人工智能), в частности система социального

¹³ 中国互联网发展状况统计报告 (2019年8月) (№ 44) [Статистический доклад о развитии Интернета в Китае (август 2019 г.) (№ 44)]. Опубликовано Центром интернет-информации Китая. С. 1–2. URL: http://www.cac.gov.cn/2019-08/30/c_1124938750.htm (дата обращения: 01.09.2019).

кредита (社会信用体系, система социального доверия, «всевидящее око»). Создаваемая в данной системе учетная запись становится «вторым паспортом», или «индексом репутации» гражданина: в нее заносится не только кредитная история, но и история уплаты налогов, коммунальных платежей, наличие судимости, поощрения и наказания, отношение к правящей партии и общепринятым нормам морали, а также сведения о близких родственниках для формирования общей оценки личности. Даже частая смена работы, которая фиксируется системой, может негативно сказаться на общем рейтинге.

На официальном уровне системе социального доверия был дан старт еще в 2007 г. В настоящее время она превратилась в систему рейтинга доверия государства конкретному физическому/юридическому лицу, позволяющую усилить контроль за деятельностью конкретного субъекта правоотношений. Хотя система и запущена пока в пилотном режиме, однако в случае ее успешного тестирования каждый гражданин КНР и каждая работающая в Китае организация (а в будущем — иностранец и зарубежная организация, работающая с Китаем / в Китае) получат свой персональный рейтинг, который будет изменяться в зависимости не только от соблюдения действующего законодательства, но и от политических установок, правил поведения и морально-нравственных норм. К настоящему времени создана Единая платформа доверия <https://www.creditchina.gov.cn/>, которая с течением времени превратится в Общегосударственную базу кредитной оценки физических лиц и организаций.

В настоящее время в основе расчета рейтинга лежат четыре основных критерия:

- честность в государственных делах;
- коммерческая добросовестность;
- поведение в обществе;
- судебная история.

Высший уровень рейтинга — AAA (1050 баллов), далее AA — 1000 баллов; затем уровни B и C, а также худший — D (599 баллов). Лица, которым присваивается рейтинг D, ограничиваются в возможностях и даже в правах: они не могут свободно передвигаться по стране, их трудоустройство затруднено, а общение с ними может снизить рейтинг «благонадежных» граждан. Таким образом, «неблагонадежные» лица автоматически изолируются от общества, отлучаются от общения с его членами.

Наряду с внедрением системы социального доверия в Китае уже повсеместно используется система распознавания лица (人脸识别系统, 脸部辨认, система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц). Официальной причиной ее использования названа необходимость борьбы с преступностью. Эксперты же говорят о создании в КНР тотальной системы слежения и контроля за жизнедеятельностью лица с возможностью прогнозирования его намерений и действий в будущем для принятия превентивных мер упреждения. Более того, система распознавания лиц идентифицирует личность не только по лицу, но и по голосу, походке. Например, технология распознавания лиц уже активно используется в китайском метро (г. Цзинань провинции Шаньдун на востоке Китая). Мобильное приложение «Цзинаньский метрополитен» позволяет пользователю проходить в метро при автоматической оплате за проезд по карте, привязанной к личности.

Система распознавания лиц успешно применяется:

- при посадке в поезд (без предъявления билета);
- для борьбы с нетрезвыми водителями (камеры наблюдения с высоким расширением на автомобильных дорогах);

- при использовании видеоигр (сканирование лица перед запуском для ограничения времени игры ребенка);
- при оплате («умные магазины»);
- в банкоматах (при снятии наличных);
- при получении туалетной бумаги в общественных туалетах (для ограничения бесплатной выдачи бумаги в особо популярных у туристов местах).

Кроме прочего, в некоторых городах Китая внедряется система «умной парковки», предполагающая взимание сбора через технологию распознавания автомобильных номеров. 18 декабря 2018 г. Alibaba открыла в г. Ханчжоу первый «умный отель», предоставляющий услуги гостям от регистрации до обслуживания через систему распознавания лиц при помощи искусственного интеллекта и роботов¹⁴.

Параллельно китайское государство активно развивает «Электронное правительство» (数字政府建设), которое схоже с внедряемыми в Российской Федерации технологиями в административно-распорядительной сфере. Лидером по предоставлению электронных административных услуг выступает провинция Гуандун, за ней следуют провинции Цзянсу и Чжэцзян.

Развиваются «умные магазины», повышается рост продаж беспилотных летательных аппаратов, происходит повсеместное внедрение цифровых технологий в банковскую, медицинскую, пищевую, образовательную отрасли экономики. Благодаря цифровым технологиям становится возможным дистанционное управление бизнес процессами.

Цифровые технологии проникли и в судебную систему. Китай предложил уникальную модель использования цифровых технологий при осуществлении судопроизводства.

Во-первых, власти идут по пути расширения открытости (гласности) судебного производства. Усиливается контроль за выносимыми судами приговорами и решениями по уголовным, гражданским, административным делам как со стороны надзирающих органов, так и со стороны общественности. В этих целях создана система онлайн-трансляции судебных заседаний через Интернет¹⁵. В настоящее время отслеживать судебный процесс можно при помощи смартфона, подача иска осуществляется через всемирную сеть, а для оплаты судебных издержек нужно лишь установить на телефоне соответствующую программу.

1 января 2014 г. вступили в силу Правила обнародования в сети Интернет решений народных судов. Их новая редакция принята Верховным народным судом 25 июля 2016 г.¹⁶ Согласно закреплённым в документе положениям, все китайские суды обязаны публиковать в сети Интернет решения, определения, извещения, приказы и др. (ст. 3). В Интернете создана единая платформа решений, определений китайских судов с открытым доступом¹⁷.

Во-вторых, в Китае созданы специальные интернет-суды. Первый из них открылся в г. Ханчжоу — месте сосредоточения большого числа крупных корпо-

¹⁴ 阿里巴巴[无人酒店] 杭州開幕, 只乘打掃阿姨有工作 [Alibaba открыла в Ханчжоу [умный отель], только у уборщиц осталась работа]. URL: <https://www.marketersgo.com/market/2018/12/06/mk2-alibaba-flyzoo-hotel/> (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁵ 中国庭审公开网 [Сайт судебных заседаний Китая в открытом доступе]. URL: <http://tingshen.court.gov.cn/> (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁶ 关于人民法院在互联网公布裁判文书的规定 [Правила обнародования в сети Интернет решений народных судов]. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-25321.html> (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁷ 中国裁判文书网 [Сайт судебных документов Китая]. URL: <http://wenshu.court.gov.cn/> (дата обращения: 04.06.2019).

раций, занимающихся электронной торговлей, в том числе всемирно известный интернет-гигант Alibaba. Данный специализированный суд призван рассматривать дела исключительно на заседаниях в онлайн-режиме без приглашения участников в зал суда. Подача документов, исковых требований также должна происходить через Интернет. В компетенцию суда входят дела, связанные с мошенничеством при осуществлении онлайн-торговли, споры по онлайн-договорам, нарушение авторских прав в интернет-пространстве и др. Главная цель эксперимента — ослабить нагрузку на местную судебную систему, снизить объем бумагажно-бюрократической работы. Благодаря созданной в Интернете платформе инициировать судебное разбирательство теперь можно, не выходя из дома, в чрезвычайно короткие сроки¹⁸. За первый год работы суд рассмотрел более 11 тыс. дел, вынес решения по 9,6 тыс.

10 сентября 2018 г. второй на территории КНР интернет-суд открылся в г. Пекине (北京互联网法院¹⁹). Он также не предусматривает личного присутствия на судебном заседании истца и ответчика, все судебные процедуры осуществляются через сайт суда. Третий интернет-суд создан в Гуанчжоу в конце сентября 2018 г. (广州互联网法院²⁰). Таким образом, к настоящему времени в КНР полноценно действуют три интернет-суда.

9 сентября 2018 г. Верховный народный суд принял Положение о некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами²¹, которым в числе прочего устанавливается легальность блокчейна в качестве метода хранения данных. Таким образом, записанные в блокчейне данные могут приниматься к рассмотрению интернет-судами в качестве доказательств при вынесении решений по делам, касающихся авторских прав, мошенничества, онлайн-торговли и т.п. Признание блокчейн-записи в качестве доказательства при рассмотрении судебных дел стало одним из первых прецедентов в мировой судебной практике. Часть 2 ст. 11 Положения устанавливает, что интернет-суды должны признавать цифровые данные, представляемые в качестве доказательств, если соответствующие стороны собирают и хранят эти данные посредством блокчейн с электронными цифровыми подписями, надежными отметками времени и проверкой хеш-функции, которые могут подтвердить подлинность используемой технологии.

В начале декабря 2019 г. Верховный народный суд КНР опубликовал «Белую книгу» об интернет-судах в Китае. Согласно приведенной в ней статистике, по состоянию на 31.10.2019 интернет-суды Ханчжоу, Пекина и Гуанчжоу в общей сложности приняли к производству 118 764 дел, среди которых рассмотрено 88 401; среднее время рассмотрения одного дела занимает 38 дней²².

С 2019 г. китайские суды начали использовать в судебных процессах искусственный интеллект. Иными словами, запускается тестирование «умных судов», в которых разбирательство дела будет проводиться с использованием цифровых технологий, иногда даже без участия судьи.

¹⁸ 杭州互联网法院诉讼平台 [Процессуальная платформа интернет-суда г. Ханчжоу]. URL: <http://www.netcourt.gov.cn/portal/main/domain/index.htm> (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁹ 北京互联网法院昨日挂牌成立 [Интернет-суд г. Пекина открылся вчера]. URL: http://www.xinhuanet.com/legal/2018-09/10/c_1123403042.htm (дата обращения: 04.06.2019).

²⁰ 广州互联网法院 [Интернет-суд г. Гуанчжоу]. URL: <https://www.gzinternetcourt.gov.cn/portal/main/domain/index.htm> (дата обращения: 04.06.2019).

²¹ 最高人民法院关于互联网法院审理案件若干问题的规定 [Положение Верховного народного суда о некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами]. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html> (дата обращения: 04.06.2019).

²² 中国法院的互联网司法 [Интернет-правосудие судов Китая]. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/12/id/4704040.shtml> (дата обращения: 14.12.2019).

Все сказанное свидетельствует о высокой степени развития Интернета, цифровой экономики и цифровых технологий в Китае. В связи с этим становится крайне важным исследовать опыт китайского государства в сфере нормативно-правового регулирования указанных технологий. Особый интерес вызывает и специфика проводимой властями КНР политики в исследуемой сфере, ведь именно государственная политика определяет вектор развития механизма правового регулирования цифровой сферы.

4. Особенности юридической политики в цифровой сфере Китая

Во-первых, китайские власти проявляют крайнюю осторожность при разработке и принятии правотворческих (нормотворческих) актов для регулирования исследуемой сферы. Китайский законодатель придерживается экспериментального (опытного) порядка, подразумевающего осуществление правового регулирования посредством принятия нормативных правовых актов с ограниченным временем действия и предполагающего принятие их в окончательной редакции лишь после установления целесообразности акта и эффективности действия. Правотворческий эксперимент позволяет избежать разрушительных правовых ошибок, выбрать наиболее оптимальные пути решения стоящих перед законодателем задач²³. В основе такого подхода лежит известная китайская поговорка «Переходи реку, ощупывая камни» (摸着石头过河), призывающая действовать с предельной аккуратностью и осторожностью, полагаясь на метод проб и ошибок.

Во-вторых, при регулировании исследуемой сферы китайские власти соблюдают чрезвычайный режим секретности, который выливается в принятие целого ряда нормативных актов «с грифом». Открытый доступ к текстам таких документов закрыт для общественности, но на них, как ни странно, ссылаются правоприменительные органы при осуществлении режима обеспечения безопасности китайского сегмента Интернета, цифровых технологий.

В-третьих, преимущественно развиваются те цифровые технологии, которые находятся под тотальным контролем правящей Коммунистической партии Китая. В первую очередь это касается системы социального рейтинга и системы распознавания лица. В тех случаях, когда партийный контроль ослаблен или невозможен, государство всеми силами старается исключить неподконтрольные цифровые технологии из сферы народного хозяйства. Так, согласно принятому рядом органов Государственного совета КНР 04.09.2017 Извещению о предотвращении рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования (关于防范代币发行融资风险的公告), выпуск токенов в Китае запрещен. Операции с ICO (Initial coin offering — «первичное предложение монет») влекут за собой уголовную ответственность. Также отметим принятое 03.12.2013 Извещение о предотвращении рисков, связанных с биткоинами (关于防范比特币风险的通知), установившее запрет Центрального банка КНР на совершение любых сделок с криптовалютой финансовыми организациями. Таким образом, размещение виртуальных монет признано незаконным. Все национальные и зарубежные сайты, платформы, относящиеся к торговле и размещению криптовалют, внесены в реестр запрещенных, их работа блокирована.

²³ См. подробнее об экспериментальном правотворчестве в КНР: Куманин Е. В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 62; Севальнев В. В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. С. 12.

В-четвертых, осуществляются серьезное финансирование различных проектов в цифровой сфере (учрежден Государственный фонд поддержки инновационных разработок в 100 млрд юаней, примерно 14,6 млрд долларов США), «заимствование» (зачастую с нарушением прав интеллектуальной собственности зарубежных разработчиков) иностранных технологий и опыта, привлечение («скупка») специалистов из-за рубежа. В основе привлечения высококвалифицированных кадров из-за рубежа лежит выверенная за годы проведения политики реформ и открытости стратегия китайских властей, направленная на овладение передовыми, часто закрытыми зарубежными технологиями для их последующего освоения в рамках собственных производственных мощностей. Первоначально китайские предприятия просто копировали зарубежные технологии, однако со временем иностранные компании научились защищать свои права на интеллектуальную собственность как техническими, так и правовыми средствами. Для осуществления доступа к современным зарубежным ноу-хау, заимствования передовых методов управления китайские власти развернули широкую кампанию по приглашению высококвалифицированных специалистов из зарубежных стран. При этом вопросы материального обеспечения прибывающих в страну иностранцев и возвращающихся на Родину китайцев решаются оперативно с предоставлением наилучших условий.

В-пятых, установлена крайне серьезная юридическая ответственность, включая уголовную, организаций и физических лиц за допускаемые правонарушения в исследуемой сфере. В соответствии со ст. 30 и 31 § 4 «Корпоративное преступление» гл. 2 УК КНР уголовная ответственность организаций реализуется в двух формах: организация наказывается штрафом, а «непосредственно ответственные за руководство» и «иные непосредственно ответственные лица» подлежат уголовному наказанию.

5. Теоретические вопросы нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае

Недостаточная развитость законодательства, регулирующего исследуемую сферу, преимущественное регулирование на уровне подзаконного нормотворчества и партийных указаний, умышленная расплывчатость и неопределенность используемой терминологии в регулирующих документах — все это, с одной стороны, сдерживает развитие новых технологий, а с другой — позволяет правящей партии держать их под контролем. Неслучайно наличие в ряде нормотворческих актов нечетких формулировок и дефиниций, смешение терминов и понятий.

Например, в соответствии с принятыми 16.08.2017 Министерством промышленности и информатизации Правилами управления доменными именами сети Интернет (互联网域名管理办法) регистрируемые, используемые организациями или лицами доменные имена не могут включать в себя следующее содержание: «выступающее против основных принципов, установленных Конституцией» (п. 1 ст. 28); «подрывающее репутацию и интересы государства» (п. 3 ст. 28); «разрушающее государственную религиозную политику, пропагандирующее сектантство и феодальные суеверия» (п. 5 ст. 28); «распространяющее слухи, нарушающее общественный порядок, подрывающее социальную стабильность» (п. 6 ст. 28) и т. п.

Расплывчатое законодательство позволило китайским властям защитить интересы своих национальных компаний от иностранных конкурентов. Неслучайно полная блокировка на территории КНР работы (на основе подзаконных актов с размытыми формулировками о распространении «запрещенного контента») Google, YouTube, Facebook, Twitter, Flickr и других привела к вытеснению с ки-

тайского рынка не только самих западных интернет-площадок, но и крупнейших бизнес-проектов, с ними связанных. При отсутствии конкуренции вместо них выросли и превратились в мегагигантов такие известные китайские интернет-корпорации, как Baidu, Weibo, Sohu, площадка электронной коммерции Alibaba.

Отсутствие соответствующих четких процедур и механизмов в исследуемой сфере — характерная особенность китайской юридической политики. Так, в Извещении о предотвращении рисков, связанных с биткоинами, устанавливается запрет в отношении финансовых организаций на работу с биткоинами; при этом запрета в отношении физических лиц не существует. Однако правового механизма обращения с биткоинами физическими лицами в Китае не создано. Иными словами, закон не запрещает физическим лицам осуществлять операции с криптовалютой, но и не создает условий для этого.

Анализ китайских правовых актов показывает наличие существенных пробелов, что требует доработки с учетом новых видов правоотношений. Существует необходимость совершенствования понятийного аппарата, механизма защиты персональных данных, повышения уровня открытости принимаемых в данной сфере правовых документов. Неточность текстов регулирующих документов зачастую связана не с низким уровнем юридической техники, а с желанием правоприменителя использовать норму по своему усмотрению.

6. Уровни регулирования цифрового пространства Китая

Одна из отличительных особенностей цифровой экономики и цифровых технологий в Китае заключается в уровнях их регулирования, на одном из которых располагаются документы правящей Коммунистической партии Китая (далее — КПК). Хотя российская юридическая наука не относит партийные документы к источникам права, китайская специфика предполагает не только их обязательный учет при проведении правового анализа того или иного явления, но и их постановку в один ряд с актами правотворчества.

Первый уровень — уровень государственных (партийных) программных документов, принимаемых КПК и/или административными органами и выступающими в качестве основных регуляторов развития цифровой сферы. Сюда относятся в первую очередь партийно-государственные планы развития (Планы пятилетнего развития, Государственные программы среднесрочного и долгосрочного развития, Государственные планы развития исследований в различных областях и др.), директивные документы, заявления высшего руководства страны.

В контексте сказанного отметим следующие программы:

- Программа-863 (国家高技术研究发展计划, Государственный план развития исследований в области высоких технологий), принятая Государственным советом в ноябре 1986 г.;
- Программа-973 (国家重点基础研究发展计划, Государственный план развития основных фундаментальных исследований), принятая в июне 1997 г.;
- программа «Сделано в Китае — 2025» (中国制造2025), в которой признана необходимость укрепления собственной инновационной базы, снижения зависимости от иностранных достижений в области науки и техники, развития новых отраслей, внедрения искусственного интеллекта, создания умного производства и т. п.;
- программа «Интернет+» (“互联网+”) — программа внедрения цифровых технологий в традиционные отрасли промышленности, поддержки предпринимательства, развития искусственного интеллекта и др.; 01.07.2015 Го-

сударственный совет КНР принял Руководящее мнение о действиях по активному продвижению «Интернет+» (国务院关于积极推进“互联网+”行动的意见);

- Программа-план создания системы социального кредита (2014–2020) (社会信用体系建设规划纲要 (2014–2020年)), принятая Государственным советом 27.06.2014;
- Руководящее мнение Государственного совета КНР по созданию и совершенствованию механизмов поощрений лиц с высоким рейтингом доверия и наказаний лиц, утративших доверие, для ускорения создания системы социального кредита (建立完善守信联合激励和失信联合惩戒制度加快推进社会诚信建设的指导意见), принятое Государственным советом 12.06.2016);
- План развития искусственного интеллекта нового поколения (新一代人工智能发展规划), принятый Государственным советом 08.07.2017; и др.

Второй уровень — уровень законов КНР. Общее количество действующих в КНР законов невелико — около 270²⁴. Среди них около 10 имеют непосредственное отношение к регулированию Интернета, цифровой экономики и цифровых технологий.

В конституционно-правовой сфере действуют Законы КНР:

- «О государственной безопасности» (中华人民共和国国家安全法, принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (далее — ПК ВСНП) 01.07.2015 с последующими изменениями);
- «О противодействии терроризму» (中华人民共和国反恐怖主义, принят ПК ВСНП 27.12.2015 с последующими изменениями);

В гражданско-правовой и торговой сфере (по китайской классификации отраслей законодательства) действуют Законы КНР:

- «О защите прав и интересов потребителей» (中华人民共和国消费者权益保护法, принят ПК ВСНП 31.10.1993 с последующими изменениями);
- «О договорах» (中华人民共和国合同法, принят ВСНП 15.03.1999);
- «Об электронной подписи» (中华人民共和国电子签名法, принят ПК ВСНП 28.08.2004, с последующими изменениями);
- «О вещных правах» (中华人民共和国物权法, принят ВСНП 16.03.2007);
- «Об ответственности за нарушение прав» (中华人民共和国侵权责任法, принят ПК ВСНП 26.12.2009);
- «Об электронной торговле» (中华人民共和国电子商务法, принят ПК ВСНП 31.08.2018);
- «Об иностранных инвестициях» (中华人民共和国外商投资法, принят ВСНП 15.03.2019, вступит в силу с 01.01.2020).

В административно-правовой сфере действуют Законы КНР:

- «Об охране государственной тайны» (中华人民共和国保守国家秘密法, принят ПК ВСНП 05.09.1988, с последующими изменениями);
- «О стимулировании внедрения научно-технических достижений» (中华人民共和国促进科技成果转化法, принят ПК ВСНП 15.05.1996, с последующими изменениями);
- «О борьбе со шпионажем» (中华人民共和国反间谍法, принят ПК ВСНП 01.11.2014);

²⁴ Подробнее см.: Трощинский П. В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). М.: Издательский дом ВКН, 2018.

- «О безопасности сети Интернет» (中华人民共和国网络安全法, принят ПК ВСНП 07.11.2016);
- «О криптографии» (中华人民共和国密码法, принят ПК ВСНП 26.10.2019).

В экономическо-правовой сфере действуют Законы КНР:

- «О правительственных закупках» (中华人民共和国政府采购, принят ПК ВСНП 29.06.2002);
- «О содействии малым и средним предприятиям» (中华人民共和国中小企业促进法, принят ПК ВСНП 29.06.2002, с последующими изменениями);
- «О регулировании и контроле за банковской деятельностью» (中华人民共和国银行业监督管理法, принят ПК ВСНП 27.12.2003, с последующими изменениями);
- «О борьбе с отмыванием денег» (中华人民共和国反洗钱法, принят ПК ВСНП 31.10.2006).

В уголовно-правовой сфере действует Уголовный кодекс КНР (中华人民共和国刑法), принятый ВСНП 14.03.1997 с последующими поправками, девятый пакет которых непосредственно затронул исследуемую сферу. Так, поправками в УК КНР от 29.08.2015 расширен круг субъектов, которые привлекаются к уголовной ответственности за незаконное предоставление персональных данных. Если ранее уголовный закон относил к ним государственных служащих и работников финансовых организаций, организаций связи, транспорта, образования, здравоохранения, то сейчас это любые лица, получившие доступ к персональным данным гражданина в силу исполнения служебных обязанностей или в ходе оказания услуг; привлечению к уголовной ответственности подлежит не только физическое лицо, но и организация в случае предоставления персональных данных в нарушение закона.

Девятыми поправками в ст. 286 УК КНР добавлено положение, согласно которому в случае, если произошла утечка персональных данных, что повлекло наступление тяжелых последствий или были уничтожены доказательства по уголовным делам, виновные наказываются лишением свободы до трех лет, уголовному аресту или надзору, а также штрафу.

1 января 2019 г. вступил в силу Закон КНР «Об электронной торговле»²⁵, принятый в конце августа 2018 г. Здесь мы не станем останавливаться на подробном анализе этого важного правового акта, отметим лишь, что долгожданный и долго разрабатывавшийся (в течение пяти лет) закон установил правила продаж товаров и оказания услуг в интернет-пространстве. С вступлением его в действие правовому регулированию подлежат все виды электронной коммерции, включая деятельность не только обычных операторов электронной торговли, но и онлайн-поставщиков, предлагающих такие услуги, как каршеринг, байкшеринг, заказ продуктов питания и т. п. Принятый закон призван обеспечить прозрачность цифровой коммерции, повысить уровень защиты законных прав субъектов цифровой экономики, гарантировать охрану прав интеллектуальной собственности и, конечно, повысить налоговые поступления в бюджет.

Неслучайно для осуществления электронной коммерческой деятельности закон требует обязательную регистрацию в качестве субъекта предпринимательской деятельности и уплаты соответствующих налогов с нее. Для определенного рода деятельности также требуется оформление лицензии, без которой деятельность на электронных площадках будет признана незаконной. По существу, положения закона направлены в первую очередь на защиту прав потребителей:

²⁵ 中华人民共和国电子商务法 [Закон КНР об электронной торговле]. URL: http://www.mofcom.gov.cn/article/zt_dzswf/ (дата обращения: 04.06.2019).

благодаря этому снижается вероятность приобретения поддельного продукта, вводится в действие коллективная ответственность как предпринимателя, так и владельца электронной площадки за размещение незаконного контента, введен запрет на удаление отрицательных отзывов, запрет на отказ в возврате предоплаты и многое другое.

В конце октября 2019 г. появился небольшой по объему (всего 44 статьи), но важный Закон КНР «О криптографии», установивший криптографические стандарты и порядок использования средств криптозащиты. Одной из его задач является создание правового поля для выпуска цифрового юаня в будущем, так как разработка национальной цифровой валюты Китая находится на финальной стадии. Главная особенность закона состоит в том, что в нем четко закрепляется руководящая роль Коммунистической партии Китая в рассматриваемой сфере (ст. 3). Кроме того, законодатель предусматривает создание самостоятельного государственного органа по криптографии (ст. 5). Согласно ст. 6 закона, все пароли (типы шифрования) разделены на три основных вида: «сердцевинные» (ключевые, основные), «обычные» (общепринятые) и коммерческие. Первые два вида являются государственной тайной. Высшая степень секретности у ключевых паролей — «совершенно секретно». Коммерческие пароли не являются государственной тайной, они могут быть использованы гражданами и юридическими лицами. Государство взяло на себя обязательства по стимулированию развития коммерческих паролей (ч. 1 ст. 21). Законом устанавливается суровая юридическая ответственность за совершение правонарушений в сфере шифрования (гл. 4). Так, за кражу зашифрованной информации, взлом системы криптозащиты, применение шифрования для незаконных действий, нарушающих безопасность государства, посягающих на общественные или частные интересы, виновные привлекаются к административной ответственности (ст. 32), при наличии в деянии состава преступления — к уголовной (ст. 41).

Благодаря новому закону китайские власти заявляют о создании механизма правового регулирования криптографией и приватными, публичными ключами. В то же время ожидается появление партийных инструкции (не нормативных актов) и ведомственных актов, в которых алгоритмы использования новых стандартов были бы прописаны более ясно.

Третий уровень — подзаконный. Главной особенностью нормативно-правового регулирования в социалистическом Китае выступает преимущественное принятие подзаконных, ведомственных, локальных нормативных актов в противовес трудно принимаемым и сложно изменяемым законам. Российский ученый А. П. Алексеенко в контексте сказанного свидетельствует: «Ввиду необходимости оперативного реагирования регулирование, как это часто бывает в КНР, осуществляется лишь на подзаконном уровне — актами Народного банка КНР, принятыми совместно с рядом министерств и ведомств. Примечательно, что такое коллективное подзаконное нормотворчество не является для Китая чем-то экстраординарным, а даже наоборот, широко распространено»²⁶.

В сфере электронной торговли до принятия Закона КНР «Об электронной торговле» действовал целый ряд подзаконных актов, юридическая сила которых сейчас ничтожна. Несмотря на это, на подзаконном уровне процесс появления новых нормативных документов продолжается. В исследуемой сфере в открытом

²⁶ Алексеенко А. П. Правовые аспекты ограничений в отношении ICO и криптовалюты в Китае // 70 лет современному китайскому государству: материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 г.). М.: ИДВ РАН, 2019. С. 347.

доступе можно ознакомиться с содержанием и некоторых ведомственных актов²⁷. Научно-практический интерес представляют, например, Соответствующие указания Китайского строительного банка о сервисе по оплате в рамках электронной торговли предприятий (中国建设银行关于企业级电子商务支付服务的有关提示, приняты 15.06.2016); Извещение Главного таможенного управления о соответствующем контроле и управлении за розничными экспортно-импортными товарами трансграничной электронной торговли (关于跨境电子商务零售进出口商品有关监管事宜的公告, вступило в силу 01.01.2019); Извещение Министерства финансов, Главного таможенного управления, Главного государственного налогового управления о совершенствовании налоговой политики в сфере розничного импорта трансграничной электронной торговли (财政部、海关总署、国家税务总局关于完善跨境电子商务零售进口税收政策的通知, вступило в силу 01.01.2019) и др.

В сфере нормативного регулирования системы социального доверия особый интерес представляют: Мнение о продвижении построения системы социального кредита, связанной с ограничением поездок специально определенных серьезно потерявших доверие лиц на гражданском воздушном транспорте в определенные сроки (关于在一定期限内适当限制特定严重失信人乘坐民用航空器推动社会信用体系建设的意见) и Мнение о продвижении построения системы социального кредита, связанной с ограничением поездок специально определенных серьезно потерявших доверие лиц на железнодорожном транспорте в определенные сроки (关于在一定期限内适当限制特定严重失信人乘坐火车推动社会信用体系建设的意见) (документы приняты 02.03.2018 Государственным комитетом по развитию и реформам, Управлением по гражданской авиации, Канцелярией комиссии ЦК КПК по строительству и руководству духовной цивилизации, Верховным народным судом и др.). Согласно закрепленным в документах положениям, лицо с низким социальным рейтингом не может свободно покидать место своего жительства, а в случае подделки документов личности для приобретения билетов привлекается либо к административной, либо к уголовной ответственности.

Отметим и действующие по настоящее время Извещение о запрете выпуска и использования различных токенов для приобретения товаров, ценных бумаг (国务院关于禁止发放使用各种代币购物券的通知, принято Канцелярией Государственного совета 01.05.1991) и Извещение о запрете выпуска, продажи, покупки и использования различных токенов для приобретения товаров, ценных бумаг (国务院关于禁止印制、发售、购买和使用各种代币购物券的通知, принято Канцелярией Государственного совета 04.04.1993).

10 января 2019 г. Государственной канцелярией по Интернету и информации опубликовано Положение об управлениями информационными услугами блокчейна (区块链信息服务管理规定), определяющее правила оказания услуг, основанных на соответствующих технологиях.

Важность исследования ведомственных нормативных актов подтверждается анализом Извещения о мерах по предотвращению рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования (关于防范代币发行融资风险的公告), совместно принятого Народным банком Китая, Министерством промышленности и информационных технологий, Главным управлением промышленно-торговой администрации, Комиссией по контролю над банковской деятельностью, Комиссией по контролю над ценными бумагами, Комиссией по регулированию страхования. Согласно закрепленным в Извещении положениям, деятельность по привлечению финансирования путем выпуска токенов «носит спекулятивный характер, она явля-

²⁷ См. подробнее базу китайского законодательства: URL: <http://www.chinalawinfo.com/> (дата обращения: 04.06.2019).

ется незаконной финансовой деятельностью и существенным образом нарушает сложившийся экономический и финансовый порядок» (абз. 1).

Далее в абз. 1 разд. 1 «Основные признаки деятельности по выпуску токенов для привлечения финансирования» говорится о незаконности их выпуска: «Под выпуском токенов понимается деятельность по осуществлению финансирования путем незаконной продажи и обращения токенов, сбора с вкладчиков биткоинов (так называемых виртуальных денег), что по своей сути является несанкционированной и незаконной деятельностью по привлечению финансирования. Такая деятельность может быть квалифицирована как незаконная продажа ваучеров токенов, незаконная эмиссия ценных бумаг, незаконное привлечение финансирования, финансовое мошенничество и иная незаконная деятельность по вовлечению в финансовую пирамиду».

Далее также устанавливается, что используемые в качестве токенов «виртуальные деньги» незаконны и не могут использоваться на китайском рынке. При этом выдвигается требование, согласно которому организация или гражданин, выпустившие токены, обязаны вернуть вложенные средства вкладчикам (абз. 1 разд. 2 «Никакая организация или гражданин не могут осуществлять незаконную деятельность по выпуску токенов»).

За нарушения Извещения нарушитель привлекается к юридической ответственности (уголовной, гражданской, административной), к нему также применяются репрессивные меры, связанные с отключением от Интернета, аннулированием свидетельства на право ведения хозяйственной деятельности.

Заключение

Действующее законодательство не успевает за развитием цифровой экономики и цифровых технологий. Указанная проблема, конечно, свойственна не только китайскому обществу. Однако для Китая она наиболее болезненна, ведь он добился больших результатов в исследуемой сфере, и практически каждый житель республики использует цифровые технологии. Отсутствие полноценного нормативно-правового регулирования серьезно препятствует справедливому решению многих возникающих конфликтов, защите законных прав и интересов потребителей, обеспечению безопасности личности. Неслучайно в китайском юридическом экспертном сообществе активно обсуждается вопрос о принятии важных для цифровой сферы законов «О защите персональной информации» (个人信息保护法) и «О цифровой безопасности» (数据安全法). На подзаконном уровне в разработке находятся Правила управления ключевыми информационными инфраструктурными объектами (关键信息基础设施管理条例).

Однако появлению вышеуказанных законов препятствует политическая воля руководства страны, которое до настоящего времени концептуально не определилось с необходимостью именно законодательного, а не партийного регулирования цифрового пространства. Кроме того, сам институт охраны персональных данных гражданина противоречит политике тотального контроля над личностью, внедряемой китайскими властями. Исследователям Китая известно, что через мобильные приложения власти Китая следят за мусульманами Синьцзян-Уйгурского автономного района и другими «неблагонадежными элементами». Реальная же защита прав интеллектуальной собственности в китайском правовом пространстве, которая в первую очередь важна для зарубежных разработчиков, также невыгодна КНР. Неслучайно в Китае до сих пор не создан действующий механизм обеспечения патентных прав, прав на торговые знаки и авторских прав, хотя это было

одним из основных требований международного сообщества еще до вступления республики в 2001 г. в ВТО.

Иными словами, приоритет интересов государства над общественными и личными интересами не предполагает выработку действительно действующих законодательных механизмов регулирования цифровой сферы. Нам кажется, что Китай будет продолжать управлять ей в ручном режиме путем принятия партийных документов и ведомственных актов, а сами законы будут играть лишь политико-демонстративную роль. Такой подход чрезвычайно интересен для российской юридической науки и требует глубоко изучения и анализа.

Особое внимание российским исследователям следует обратить и на попытки Китая создать собственную цифровую валюту (криптоюань), разработка которой ведется уже несколько лет (с апреля 2020 г. цифровой юань применяется в экспериментальном порядке в некоторых пилотных зонах КНР). Подобным способом власти рассчитывают на приток зарубежных инвестиций в национальную экономику. Однако вряд ли китайская криптовалюта будет анонимной, ведь властям необходимо осуществлять контроль за ее транзакциями. Возможно, новая валюта будет работать по принципу выпускаемой государством ценной бумаги. В любом случае в ближайшее время в правовой системе КНР должны появиться соответствующие нормативные правовые акты, также обязательные к изучению отечественной юридической и синологической науками.

Статья поступила в редакцию: 5 июня 2019 г.
Рекомендована в печать: 30 ноября 2019 г.

Features of legal regulation of the digital economy and digital technologies in China

Pavel V. Troshchinskiy, Alexander E. Molotnikov

For citation: Troshchinskiy, Pavel V., Molotnikov, Alexander E. 2019. Features of legal regulation of the digital economy and digital technologies in China. *Pravovedenie* 63 (2): 309–326. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207> (In Russian)

The article investigates the peculiarities of the legislative policy pursued by the Chinese authorities in respect to the legal regulation of the use of digital technologies. A special Chinese approach is noted in the development and adoption of relevant acts of lawmaking, which involves the priority use of an experimental procedure for the operation of regulatory legal acts and by-laws in regulating the digital economy and digital technologies. The People's Republic of China is one of the world leaders in respect to introducing digital technologies that have penetrated practically all spheres of the national economy. The digital economy accounts for more than 1/3 of the country's GDP, while Chinese giants Alibaba, Tencent, Baidu and others are among the 20 most developed technology companies in the world. In China, systems of social trust and facial recognition are actively used, which contribute to the establishment of total digital control over all members of Chinese society. Against the background of a rapid increase in the use of digital technologies in everyday life, the Chinese legislation governing them does not have time to respond to the changes taking place in this area. However, the underdevelopment of the regulatory framework acts in favour of the Chinese authorities: it contributes to the "manual" management of the digital space and the rapid response to emerging problems through the adoption of departmental acts, sometimes with the help of secret documents with restricted access. Considered all of the above, the sharp rise of Chinese technological corporations, which occurred primarily due to the ban on the activities of their foreign competitors in China, is not accidental. Google, YouTube, Facebook, Twitter, Flickr, and other western corporations were driven out from the Chinese digital market due to an inconsistency of the content passing through them to Chinese legislation, the provisions of which are so vague that foreign

companies had no opportunity to continue their activities in China and fully comply with the laws. The lack of a clear legislative mechanism for protecting intellectual property rights also had a positive effect on the growth of Chinese national digital technologies: the rights to many foreign developments “unexpectedly” became owned by Chinese citizens. Total digital control over citizens also does not imply the adoption of legislative acts limiting state intervention in the private life of an individual. Thus, it is important for us not only to study China’s lawmaking experience in regard to the digital economy, but also to take it into account when adopting the appropriate Russian “digital legislation” as well as in building relations of cooperation with Chinese partners to successfully defend our national and personal interests.

Keywords: Chinese law, legal regulation, e-commerce, digital technologies, digital economy, Chinese specifics, legal experiment, social credit system.

References

- Alekseenko, Aleksandr P. 2019. Legal aspects of Chinese ban on ICO and cryptocurrency. *70 let sovremennomu kitaiskomu gosudarstvu: materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN*: 345–352. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Kumanin, Evgenii V. 1990. *Legal Policy and Legal System of the People’s Republic of China*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Seval’nev, Viacheslav V. *Sources of Legal Regulation of Taxation of the Innovative Sector of the People’s Republic of China*. Moscow, Institut zakonodatel’sтва i sravnitel’nogo pravovedeniia pri Pravitel’stve RF. (In Russian)
- Troshchinskiy, Pavel V. 2018. *The evolution of the legal system of the Chinese People’s Republic (1949–2018); the historical and legal aspect (with a list of applicable laws of the PRC)*. Moscow, VKN Publ. (In Russian)
- Wang, Xiuna, Murashova, Elena V. 2018. Current state of digital economy of China. *Uchenye zametki TOGU* 9 (3): 1383–1386 (In Russian)

Received: June 5, 2019

Accepted: November 30, 2019

Pavel V. Troshchinskiy — PhD in Law, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovskiy pr., Moscow, 117997, Russian Federation; troshc@mail.ru

Alexander E. Molotnikov — PhD in Law, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; amolotnikov@gmail.com